

GALINA NIEFAGINA

Akademia Pomorska w Słupsku, Polska

nefgl@mail.ru

Нарциссизм как патология души (по произведениям современной русской литературы)

Миф о Нарциссе, который влюбился в свое отражение, отверг любовь нимфы Эхо и умер от невозможности ответной любви, явился продуктивной основой для многих художественных произведений разных видов искусства.

В структуре мифа можно выделить несколько ключевых позиций, которые образуют нарциссические дискурсы в литературе. Самым распространенным дискурсом является тип личности, получивший название нарциссический. Он характеризуется самолюбованием, повышенным интересом к своему телу, холодностью к другим, неспособностью любить Другого вплоть до агрессивного отторжения его из поля своего существования. Как это ни парадоксально, но замкнутому на себе Нарциссу необходимо признание его совершенства окружающими, Другими. Отсюда с таким типом личности тесно связано «зеркальное сознание», то есть потребность в отражении, будь то звуковое, как эхо, визуальное, как вода в ручье или зеркало. Интерес к своему отражению может трактоваться не только как самовлюбленность, но и как стремление к самопознанию. Не случайно цветок нарцисс, в который, согласно мифу, превратился прекрасный юноша, является эмблемой философии как одного из способов самопознания. В этом случае «зеркальное сознание» выражается в саморефлексии и как бы отдаляется от нарциссической личности в том общепринятом стереотипном понимании, какое сложилось не без влияния психоанализа Зигмунда Фрейда. В поздних версиях мифа Нарцисс, не в силах утолить страсть к своему убегающему, расплывающемуся отражению (бесплотному идеалу), кончает жизнь самоубийством. Отсюда вытекает еще одна сторона нарциссического комплекса — тяга к суициду при невозможности удовлетворить свои желания.

Нарциссизм, если не принимать во внимание его крайние, патологические формы, которые являются предметом исследования психиатров (введение понятия нарциссической личности в систему терминологии психоанализа принадлежит Фрейду), присущ едва ли не каждому человеку, а тем более творческой личности.

Нарциссизм в литературе может выступать как форма литературного поведения писателя или как художественный тип персонажа. В первом случае нарциссизм проявляется в самопрезентации писателя как гениального, непревзойденного. При этом вовсе не обязательно, что нарциссические черты действительно составляют основу человеческого характера творческой личности и она страдает завышенной самооценкой. Это может быть сознательно выработанная форма игрового поведения, специально надеваемая маска. Примером откровенного поведенческого нарциссизма может служить заявление: «Я гений Игорь Северянин». Самолюбование было свойственно Владимиру Маяковскому («Иду красивый, двадцатидвухлетний») и т.д.). Валентин Катаев в книге *Алмазный мой венец* отмечал в поведении Михаила Зощенко такую нарциссическую черту, как стремление всегда садиться так, чтобы можно было видеть свое отражение в зеркале. В ситуации конца XX века очевидно нарциссическое поведение Эдуарда Лимонова, игравшего то роль испорченного подростка Савенко, то нетрадиционно ориентированного Эдички, то позже облекшегося в мундир политического лидера, когда игровое поведение переросло в жизненную позицию. Нарциссизм свойственен Вячеславу Курицыну, устраивающему Курицынские чтения в Екатеринбургском университете (как правило, именные чтения проводятся в честь выдающихся ученых, уже ушедших из жизни и оставивших после себя научную школу или направление, и обычно инициируются учениками). Не лишено налета нарциссизма и поведение Виктора Ерофеева, ведущего телепрограмму *Апокриф* с некоторым самолюбованием и убежденностью в своем непререкаемом авторитете и всезнании. Нельзя не отметить особого рода нарциссическое поведение Дмитрия Пригова, заявлявшего, что к двухтысячному году напишет 24 000 стихов, что отдавало некоторым графоманством (и ведь написал!).

Литературное поведение писателя почти всегда связано с заинтересованностью во взгляде со стороны, в реакции читающей публики. Это является стимулом художественного творчества. Но иногда литературное поведение строится как намеренная провокация интереса окружающих именно к личности, а не к творчеству. Так, долго скрывавшийся от публичных выступлений и даже личной идентификации Виктор Пелевин такой тактикой вызвал повышенный интерес к своей личности. Владимир Сорокин, напротив, шел на скандал (как это было с изданием *Голубого сала*), что стимулировало реакцию не только читающей аудитории, но и не читающей Сорокина публики. Нарциссизм при этом проявляется в стремлении добиться внешней реакции и интереса к личности художника, заставить сконцен-

трироваться на себе как объекте всеобщего внимания. Скандальный поэт Ярослав Могутин «протоколирует каждый свой шаг, упиваясь собственной порочностью, и этот шквал самолюбования провоцирует читателя»¹. Екатерина Цуммер в иронических стихах рисует образ поэта, уверенного, что «даже Бога / Не сравнить со мною / Ведь Он — лишь отражение МЕНЯ»². В стихотворении Владимира Гутковского тоже заявлено: «Если я говорю, поспеваает / конспектировать только Бог»³. Иронически или всерьез, но поэзия улавливает и обыгрывает тему художника-нарцисса, равняющего себя с Богом-Творцом.

Анализируя проблему автора в постмодернистском произведении с психологической точки зрения, Людмила Сафронова отмечает, что нарциссизм — естественный этап становления творческой личности. Первые произведения писатель, как правило, строит на собственных внутриличностных проблемах, а их исчерпанность в последующих текстах позволяет «отвязаться от себя»:

В итоге этот отрефлексированный (преодоленный или, по крайней мере, преобразованный) нарциссизм дает более глубокое и объективное понимание «других» и, в частности, позволяет создавать персонажи, уже не являющиеся только зеркальным отражением внутреннего мира творца⁴.

Но нередки случаи непреодоленного нарциссизма. Нарциссический автопортрет Лимонова в его ранних стихах проецируется как линия поведения и в романе *Это я — Эдичка*, и в последующих политических акциях. Сами стихи как иллюстрацию к нарциссизму по Фрейду прекрасно проанализировал Александр Жолковский в статье *Влюбленно-бледные нарциссы о времени и о себе*.

Я в мыслях подержу другого человека
Чуть-чуть, на краткий миг... и снова отпущу
И редко-редко есть такие люди
Чтоб полчаса их в голове держать

Все остальное время я есть сам
Баюкаю себя — ласкаю — глажу
Для поцелуя подношу
И издали собой люблюсь⁵.

Нарциссический тип проявляется и в поведении Дмитрия Галковского. Его *Бесконечный тупик* представляет собой экстраполяцию авторских нар-

¹ Д. Волчек, *Супер Могутин*, «Новая русская книга» 2000, № 2; www.guelman.ru.

² Е. Цуммер, *Я-идеал!*, www.stichi.ru/2008/03/07/3205.

³ В. Гутковский, *Нарциссизм*, www.poezia.ru/article.php?sid=10773.

⁴ Л. Сафронова, *Автор и герой в постмодернистской прозе*, Санкт-Петербург 2007, с. 197.

⁵ А. Жолковский, *Влюбленно-бледные нарциссы о времени и о себе*, [в:] его же, *Блуждающие сны и другие работы*, Москва 1994, с. 234–244.

циссических желаний и ожиданий. Татьяна Толстая писала о *Бесконечном тупике*: «Галковский весь свой текст строит на том, что все-все, кроме него, — гады, а он майский ландыш»⁶. Писатель убежден в своей непогрешимости и, как всякий Нарцисс, абсолютно не приемлет критики, воспринимая ее как оскорбление. Может быть, ярче, чем у других современных писателей, у него проявляется такая черта, как одержимость идеей своей исключительности и игнорирование окружающих при болезненном восприятии их отношения к нему. В автобиографии Галковский написал, что ему совершенно не нужны оппоненты и тем более читатели. Причиной и истоками нарциссического поведения может быть детство писателя, которое, по его признанию, не было легким и радостным, а главным чувством было ощущение одиночества. В его отношении к отцу, который явился и источником психологической травмы, и одновременно горячо любимым объектом, чувствуется комплекс немотивированной вины. Авторские комплексы так или иначе транслируются в произведение:

В первичный авторский текст экстраполируется именно негативная форма нарциссизма, разного рода нарциссические аффекты, в первую очередь требующие [...] нейтрализации: инфантилизм, эгоцентризм, творческий эксгибиционизм, нарциссический гнев по поводу неудовлетворенности собой и окружающими, ответная миру жестокость, зависть (соперничество), депрессивность, отчаяние, агрессия, маниакальная тревожность и нерелевантность поведения⁷.

Здесь нарциссизм представляет собой уже не только форму поведения, но психопатологию личности, истоки которой можно обнаружить, согласно Фрейду, в детстве писателя.

Литературное поведение — это частная форма нарциссизма. Интерес представляет художественная парадигма нарциссизма в литературе. Это, во-первых, характер персонажа, выражающийся в эгоцентризме, самовлюбленности и самолюбовании, гипертрофированном желании казаться лучше всех в глазах окружающих и вместе с тем парадоксальная холодность к ним, небрежность в отношении к другим, граничащая с безжалостностью. «Нарциссу свойственна жажда доминировать над другими людьми, самореклама, неспособность решать свои повседневные проблемы, которые сваливаются на плечи других людей»⁸, то есть, потребительское отношение к окружающим.

Во-вторых, это некий объект внимания нарцисса, который либо идеализируется, либо обесценивается. Стадия идеализации обычно непродолжительна и связана с желанием обладать. Но если обладание оказывается невозможным, то оценка объекта занижается, а желание обладания вытесняется жаждой мести.

⁶ Т. Толстая, *Интервью*, «Итоги» 1996, № 21, с. 4.

⁷ Л. Сафронова, *Автор и герой...*, с. 198.

⁸ А. Маклаков, *Сущность нарциссизма*, <http://minerva.kiev.ua>.

С невозможностью любви к Другому связана склонность к получению наслаждения, в том числе и сексуального, от себя, любимого, а также склонность к суициду при невозможности достигнуть желаемого.

В художественную парадигму нарциссизма обязательно входит зеркало. В мифе о Нарциссе это было звуковое зеркало — нимфа Эхо, только повторявшая чужие слова, и визуальное — вода в ручье, отразившая прекрасного юношу. Нарцисс невозможен без отражения, следовательно, невозможен без Других, в глазах которых он должен читать восхищение, хотя всех Других он презирает. Нарцисс должен демонстрировать свою исключительность, поэтому Другой — просто необходимая часть нарциссического комплекса.

Необходимо отметить еще один важный момент в нарциссической художественной парадигме: герои-нарциссы лишены потомства. Они замыкаются на себе, становятся для себя целым миром и любят целый мир в себе. Если же у нарциссической личности и появляется ребенок, то уже в детстве он имеет все предпосылки для развития психопатологии. Ярким примером может быть персонаж книги Павла Санаева *Похороните меня за плинтусом* (2007). Здесь стремление бабушки воплотить во внуке недостигнутое в своей жизни и маниакальная любовь-ненависть к дочери и ее ребенку способны породить закомплексованную личность, среди патологий которой вполне может развиваться и нарциссизм:

Истоки нарциссизма — отвержение со стороны родителей — одинокий, холодный, надменный человек, преисполненный внутренней скукой и пустотой; восхищение миром сменяется высокомерием, пониманием чуждости мира и себя в мире, вслед за гордостью от демонстрации своего тела следует жгучий стыд и разочарование⁹.

Герой-*alter ego* Лимонова Эдичка, трудный подросток Савенко, — нарциссическая личность, сосредоточение которой на себе порождает шизоидный комплекс — «неистовое проецирование себя и своих фобий (нищета, гомосексуализм, безвестность, абстиненция) на все остальные объекты, эйфорическое невидение другого»¹⁰. В позднем романе Лимонова *Книга воды* воссоздается космос стареющего нарцисса. В *Книге воды* обнаруживаются все элементы нарциссической художественной парадигмы. Это сам характер героя, объектом желания которого теперь становится не череда самок с соблазнительными телами, не разрушительная энергия гомосексуальных связей, а История. Именно с ней хочет «идентифицироваться самонадеянный, брутально расфранченный нарцисс»¹¹. Уже в названии представлен такой важный составляющий элемент парадигмы, как вода, то есть отражающая поверхность. У Лимонова она всегда мутная, несущая

⁹ В. Руднев, *Апология нарциссизма. Исследования по психосемиотике*, Москва 2007, с. 180.

¹⁰ Д. Голышко, *Черт с младенцем, или взросление Нарцисса*, «Новое литературное обозрение» 2002, № 56, с. 311.

¹¹ Там же, с. 315.

отбросы и труху. Вода — это поток Истории, отражающий в себе мутный образ автора-нарцисса. Любование собственными пороками в ранних произведениях Лимонова как признание исключительности замещено в *Книге воды* возвеличением собственной значимости в Истории.

Откровенным нарциссическим типом является один из персонажей романа Леонида Гиршовича *Вий, вокальный цикл Шуберта на слова Гоголя* (2004) — Лозинин:

Одна из существенных составляющих имиджа Нарцисса — сосредоточение на своем теле и одежде (одежда издревле знаменует собой успех и превосходство). Элементы гардероба Нарцисса фетишизируются, превращаются в знаковые внешние ипостаси «я» «самомоделера»¹².

Самовлюбленный тип, Лозинин особенно бережно и внимательно относится к своему телу, не останавливается перед возможностью продемонстрировать его другим, например, художнику Гурьяну, подспудно провоцируя его на создание своего отражения-портрета и более чем дружеские отношения. Писатель скрупулезно воссоздает процесс одевания Лозинина как ритуал, подчеркивая театральность действия, как будто Лозинин находится перед публикой:

Он застегнул пуговицу на ширинке. А вот на сцене, чтобы реалистическое не обернулось неприглядным, прежде следовало бы надеть брюки — молниеносным движением, и так же быстро заправить спереди рубашку (позабыв сделать это сзади), после чего, задрвав подбородок, неторопливо завязывать галстук, переговариваясь с кем-то¹³.

Включается в действие и такой элемент нарциссической парадигмы, как зеркало. Самолюбование перед зеркалом героя романа свидетельствует о его внутренней пустоте и цинизме, особенно в свете того, что события происходят в оккупированном немцами Киеве:

Он постоял лицом к лицу со своим отражением, посмотрел *на себя* через левое плечо, через правое плечо [...], снова повесил пиджак на фигурную скобку вешалки, развязал галстук, заменив его шейным платком, предохранявшим воротничок от соприкосновения с кожей, и аккуратно подвернул рукава, так, чтобы не смять манжеты. В человеке не может быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли, — приходится выбирать¹⁴.

Нарциссизм Лозинина исключает возможность критического взгляда в свою душу. Герой и его отражение тождественны в бездуховности, можно сказать, что граница между ними условна. Для духовного человека зеркало как раз составляет границу между телесным (внешней формой) и душевным (внутренним содержанием).

Лозинин считает себя эталоном мужчины. Не испытывая ни к одной из женщин любви, он пользуется ими с упоением властелина. Погоня за

¹² Л.В. Сафронова, *Автор и герой...*, с. 177.

¹³ Л. Гиршович, *Вий, вокальный цикл Шуберта на слова Гоголя*, Москва 2005, с. 29.

¹⁴ Там же.

удовлетворением своих желаний, нарциссическая потребность в господстве над избранным объектом желания не знают никаких моральных преград. Любые сексуальные фантазии должны быть удовлетворены, и чем изощреннее картины рисует воображение, тем больше упивается нарцисс своей избранностью.

Лозинин напрасно бы утешался или упивался изысканностью своих претензий, его порок не такой и изгой среди пороков. А хоть бы и был. Только в собственном изгойстве чудится аристократизм¹⁵, —

так пишет автор о маниакальном стремлении Лозинина совершить сексуальный акт одновременно с пианисткой Валечкой и ее дочерью. В этом состоянии, если нарцисс не может получить объект собственного вождления, он или обесценивает его и отбрасывает, либо начинает мстить:

Гнуснейший шантаж тоже был делом чести: оскорбленная, она рифмовалась с мезтью. Как и за его мятущимся сладострастием, за этим стояла гордыня¹⁶.

Образ Лозинина иллюстрирует клиническую картину перехода от нарциссических признаков личности к психической болезни нарциссизма.

Психологически тонко процесс формирования нарциссического комплекса как гипертрофированного интереса к своему телу показал Олег Постнов в романе *Страх*. Стыд, разочарование, страх заставляют героя существовать в некоем ирреальном пространстве. Нарциссические проблемы разрушают целостность личности, приводят к душевной болезни.

В *Легком мужском романе* (2001) Анатолия Андреева некий самовлюбленный профессор Вензель превращает в роман записки не менее нарциссической личности Евгения Николаевича, то есть один персонаж является зеркальным отражением другого. Е. Н. (или Б. В., что одно и то же) ненавидит народ, который для него толпа, омерзительные опарыши. Даже многочисленных женщин, любовью, вернее, телами которых он потребительски пользуется, герой презрительно называет люськами, которые различаются порядковым номером. Им предоставляется лишь право быть эхо героя, не имеющим ни своего голоса, ни, тем более, своего мнения. Люськи существуют только как телесные объекты для наслаждения и удовлетворения мужского эго:

Мне нравится, когда меня любят. Собственно, это неперемное условие моих отношений с женщинами. Меня грустно, безнадежно любят, а я с грустью позволяю себя любить. Красота¹⁷.

Вообще женщин герой презирает. Зато собой, своей внешностью он любит, используя всякую возможность увидеть свое отражение:

Я учился оценивать собственную внешность и поведение со стороны. Сейчас со стороны я казался себе вполне импозантным и способным внушать чувство почте-

¹⁵ Там же, с. 210.

¹⁶ Там же, с. 229.

¹⁷ А. Андреев, *Легкий мужской роман*, Минск 2001, с. 16.

ния¹⁸. Смотрю в запотевшее стекло — и стекло по законам физики и психологии отражает меня, статного хлопца в соку, чему-то иронически улыбающегося¹⁹.

Количество физиологических и анатомических подробностей, отстраненное и бесстрастное описание тел женщин и их сексуального поведения выдает в герое достаточно холодного наблюдателя, для которого отношения с женщинами лишь сублимация любви к себе. Не удивительно, что все женщины оказываются почти неразличимыми и служат единственно для доказательства мужского могущества и неотразимости героя, «великолепного самца», как он характеризует сам себя. Самолюбование неизбежно ведет к мании величия. Кстати, и фамилия героя не случайно Величанский, то есть величающийся великим.

Е.Н. (Б.В.) ставит себя вровень то с Пушкиным, то с Толстым. О его гениальности должно свидетельствовать то, что его «афоризмы цитируются уже без ссылки на первоисточник»²⁰, а «громкие успехи» раздражают, по его мнению, окружающих. Единственный достойный собеседник для него — он сам:

От вас-то и требовалось всего-навсего оставить меня один на один с миром умных чувств и глубоких мыслей²¹.

Величанский начинает уже даже претендовать на борьбу со вселенским злом. Весь роман — это коллекционирование разных отражений самого себя. Но накопление представлений о себе внутри себя неизбежно ведет к душевной болезни, что и проглядывает в канве романа. Правда, Андреев не позволяет своему герою впасть в шизофрению, ограничившись только депрессией. Но закономерным итогом нарциссизма как болезни души является смерть любимого тела, аннигиляция объекта любви. Величанский погиб, но остается профессор Вензель, нарциссические уши которого торчат из всех отступлений романа. Андреев создал персонажа, которого В. Набоков непременно отнес бы к разряду пошляков, хотя сам себя герой причисляет к когорте артистов, аристократов, избранных творческих личностей.

В конце XX века в условиях изменения и подмены моральных и социальных ценностей начинается новый виток развития индивидуализма. По мнению Жюль Делеза, происходит смена Эдипа, главного героя предшествующей эпохи, Нарциссом, психоаналитический тип персонажа периода модернизма заменяется шизоаналитическим, постмодернистским:

Настоящее время символизирует Нарцисс как новый тип человека с повышенным вниманием к своему телу и к самому себе. [...] Нарциссизм, стремление хоть как-то сохранить свою идентичность есть не что иное, как реакция на существование в мире фантомов²².

¹⁸ Там же, с. 28.

¹⁹ Там же, с. 119.

²⁰ Там же, с. 113.

²¹ Там же, с. 138.

²² Ж. Липовецки, *Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме*, пер. с франц. В. Кузнецова, Москва 2001, с. 86.

Современное общество, которое прокламируется как общество индивидуальностей, имеет не только позитивные интенции развития личности, но оборачивается и крайностями индивидуализма, погоней за мнимыми ценностями, подменой духовного совершенствования телесным. Массовая литература и средства информации усиленно насаждают культ успешных людей, поп-звезд, их блестящей жизни, побуждают копировать внешность кумиров. Исподволь под влиянием рекламы, глянцевого журналов культивируется свойственное нарциссам обожание собственного тела. Стремление достигнуть телесного идеала, каковым несколько десятилетий для женщин была тощая, субтильная модель, приводит к анорексии. Желание сделать совершенным свое тело оборачивается исчезновением, по сути дела, этого тела. Физическая патология соединяется с психическим заболеванием, что неизбежно ведет к смерти. Нарциссическое внимание к своему телу — это медленное самоубийство, сначала души, утрачивающей способность слышать Другого, затем и физического тела как вместилища души.

Narcissism as soul pathology (contemporary Russian literature)

Summary

The myth about Narcissus is a fruitful ground for modern literature. The author singles out several key positions in the myth structure which create narcissistic discourses in literature and analyses narcissistic literary behavior and artistic paradigm: the type of personality, mirror conscience, pathological changes of the soul.

Keywords: myth, narcissistic type, mirror conscience, reflection, narcissistic discourses.